Тематические сборники «Переклички вестников»

Сборник № 37. «Колоколов средневековый певучий зов, печаль времён»

Выпуск № 453

Максимилиан Волошин

Каллиера

С. В. Шервинскому

По картам здесь и город был, и порт.
Остатки мола видны под волнами.
Соседний холм насыщен черепками
Амфор и пифосов. Но город стёрт,

Как мел с доски, разливом диких орд.
И мысль, читая смытое веками,
Подсказывает ночь, тревогу, пламя
И рдяный блик в зрачках раскосых морд.

Зубец, над городищем вознесённый,
Народ зовет «Иссыпанной короной»,
Как знак того, что сроки истекли,

Что судьб твоих до дна испита мера,
Отроковица эллинской земли
В венецианских бусах – Каллиера!

1926

Вячеслав Иванов

Европа – утра хмурый холод
И хмурь содвинутых бровей,
И в серой мгле Циклопов молот,
И тень готических церквей.

Россия – рельсовый, широкий
По снегу путь, мешки, узлы.
На странничьей тропе далёкой
Вериги или кандалы.

Земля – седые океаны
И горных белизна костей.
И – как расползшиеся раны
По телу – города людей.

Выпуск № 108

Александр Блок

На небе зарево. Глухая ночь мертва.
Толпится вкруг меня лесных дерев громада,
Но явственно доносится молва
Далёкого, неведомого града.

Ты различишь домов тяжелый ряд,
И башни, и зубцы бойниц его суровых,
И тёмные сады за камнями оград,
И стены гордые твердынь многовековых.

Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрожденью
Забытый гул погибших городов
И бытия возвратное движенье.

1900

Максимилиан Волошин

Города в пустыне

Акрополи в лучах вечерней славы.
Кастилии нищих рыцарский покров.
Троады скорбь среди немых холмов.
Апулии зеркальные оправы.

Безвестных стран разбитые заставы.
Могильники забытых городов.
Размывы, осыпи, развалины и травы
Изглоданных волною берегов.

Озёр агатовых колдующие очи.
Сапфирами увлажненные ночи.
Сухие русла, камни и полынь.

Теней Луны по склонам плащ зубчатый.
Монастыри в преддверии пустынь,
И медных солнц гудящие закаты…

1916

Выпуск № 897

Осип Мандельштам

Когда показывают восемь
Часы собора-исполина,
Мы в полусне твой призрак носим,
Чужого города картина.

В руках плетёные корзинки,
Служанки спорят с продавцами,
Воркуют голуби на рынке
И плещут сизыми крылами.

Хлеба, серебряные рыбы,
Плоды и овощи простые,
Крестьяне – каменные глыбы
И краски тёмные, живые.

А в сетке пёстрого тумана
Сгрудилась ласковая стая,
Как будто площадь утром рано –
Торговли скиния святая.

1912

Николай Гумилёв

Средневековье

Прошёл патруль, стуча мечами,
Дурной монах прокрался к милой.
Над островерхими домами
Неведомое опочило.

Но мы спокойны, мы поспорим
Со стражами Господня гнева,
И пахнет звёздами и морем
Твой плащ широкий, Женевьева.

Ты помнишь ли, как перед нами
Встал храм, чернеющий во мраке,
Над сумрачными алтарями
Горели огненные знаки.

Торжественный, гранитнокрылый,
Он охранял наш город сонный,
В нём пели молоты и пилы,
В ночи работали масоны.

Слова их скупы и случайны,
Но взоры ясны и упрямы.
Им древние открыты тайны,
Как строить каменные храмы.

Поцеловав порог узорный,
Свершив коленопреклоненье,
Мы попросили так покорно
Тебе и мне благословенья.

Великий Мастер с нивелиром
Стоял средь грохота и гула
И прошептал: «Идите с миром,
Мы побеждаем Вельзевула».

Пока живут они на свете,
Творят закон святого сева,
Мы смело можем быть как дети,
Любить друг друга, Женевьева.

1915

Выпуск № 571

Анна Ахматова

Венеция

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зелёной;
Заметает ветерок солёный
Чёрных лодок узкие следы.

Сколько нежных, странных лиц в толпе.
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.

Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое…
Но не тесно в этой тесноте
И не душно в сырости и зное.

1912

Иван Бунин

Венеция

Колоколов средневековый
Певучий зов, печаль времён,
И счастье жизни вечно новой,
И о былом счастливый сон.

И чья-то кротость, всепрощенье
И утешенье: всё пройдёт!
И золотые отраженья
Дворцов в лазурном глянце вод.

И дымка млечного опала,
И солнце, смешанное с ним,
И встречный взор, и опахало,
И ожерелье из коралла
Под катафалком водяным.

1922

Александр Блок

Венеция

Слабеет жизни гул упорный.
Уходит вспять прилив забот.
И некий ветр сквозь бархат чёрный
О жизни будущей поёт.

Очнусь ли я в другой отчизне,
Не в этой сумрачной стране?
И памятью об этой жизни
Вздохну ль когда-нибудь во сне?

Кто даст мне жизнь? Потомок дожа,
Купец, рыбак, иль иерей
В грядущем мраке делит ложе
С грядущей матерью моей?

Быть может, венецейской девы
Канцоной нежной слух пленя,
Отец грядущий сквозь напевы
Уже предчувствует меня?

И неужель в грядущем веке
Младенцу мне – велит судьба
Впервые дрогнувшие веки
Открыть у львиного столба?

Мать, что поют глухие струны?
Уж ты мечтаешь, может быть,
Меня от ветра, от лагуны
Священной шалью оградить?

Нет! Всё, что есть, что было, – живо!
Мечты, виденья, думы – прочь!
Волна возвратного прилива
Бросает в бархатную ночь!

1909

Выпуск № 285

Александр Блок

Сиена

(из цикла «Итальянские стихи»)

В лоне площади пологой
Пробивается трава.
Месяц острый, круторогий,
Башни – свечи Божества.

О, лукавая Сиена,
Вся – колчан упругих стрел!
Вероломство и измена –
Твой таинственный удел!

От соседних лоз и пашен
Оградясь со всех сторон,
Острия церквей и башен
Ты вонзила в небосклон!

И томленьем дух влюблённый
Исполняют образа,
Где коварные Мадонны
Щурят длинные глаза:

Пусть грозит Младенцу буря,
Пусть грозит Младенцу враг,
Мать глядится в мутный мрак,
Очи влажные сощуря!..

1909

Михаил Кузмин

Италия

Ворожея зыбей зелёных,
О, первозданная краса,
В какую сеть твоя коса
Паломников влечёт спасённых,

Вновь умилённых,
Вновь влюблённых
В твои былые чудеса?

Твой рокот заревой, сирена,
В янтарной роще Гесперид
Вновь мореходам говорит:
«Забудьте, други, косность тлена.
Вдали от плена
Лепечет пена
И золото богов горит».

Ладья безвольная пристала
К костру неопалимых слав.
И, пениться струя устав,
У ног богини замолчала.
Легко и ало
Вонзилось жало
Твоих пленительных отрав.

Ежеминутно умирая,
Увижу ль, беглый Арион,
Твой нежный и воздушный сон,
Италия, о мать вторая?
Внемлю я, тая,
Любовь святая,
Далёким зовам влажных лон.

Сомнамбулически застыли
Полуоткрытые глаза…
– Гудит подземная гроза
И крылья сердца глухо взвыли, –
И вдруг: не ты ли?
В лазурной пыли –
Отяжелённая лоза.

Выпуск № 593

Александр Блок

Моей матери

Повеселясь на буйном пире,
Вернулся поздно я домой;

Ночь тихо бродит по квартире,
Храня уютный угол мой.

Слились все лица, все обиды
В одно лицо, в одно пятно;
И ветр ночной поёт в окно
Напевы сонной панихиды…

Лишь соблазнитель мой не спит;
Он льстиво шепчет: "Вот твой скит.
Забудь о временном, о пошлом
И в песнях свято лги о прошлом".

1912

Осип Мандельштам

Ариост

Во всей Италии приятнейший, умнейший,
Любезный Ариост немножечко охрип.
Он наслаждается перечисленьем рыб
И перчит все моря нелепицею злейшей.

И, словно музыкант на десяти цимбалах,
Не уставая рвать повествованья нить,
Ведёт туда-сюда, не зная сам, как быть,
Запутанный рассказ о рыцарских скандалах.

На языке цикад пленительная смесь
Из грусти пушкинской и средиземной спеси –
Он завирается, с Орландом куролеся,
И содрогается, преображаясь весь.

И морю говорит: шуми без всяких дум,
И деве на скале: лежи без покрывала…
Рассказывай ещё – тебя нам слишком мало,
Покуда в жилах кровь, в ушах покуда шум.

О город ящериц, в котором нет души, –
Когда бы чаще ты таких мужей рожала,
Феррара чёрствая! Который раз сначала,
Покуда в жилах кровь, рассказывай, спеши!

В Европе холодно. В Италии темно.
Власть отвратительна, как руки брадобрея,
А он вельможится всё лучше, всё хитрее
И улыбается в крылатое окно –

Ягнёнку на горе, монаху на осляти,
Солдатам герцога, юродивым слегка
От винопития, чумы и чеснока,
И в сетке синих мух уснувшему дитяти.

А я люблю его неистовый досуг –
Язык бессмысленный, язык солёно-сладкий
И звуков стакнутых прелестные двойчатки…
Боюсь раскрыть ножом двустворчатый жемчуг.

Любезный Ариост, быть может, век пройдёт –
В одно широкое и братское лазорье
Сольём твою лазурь и наше черноморье.
…И мы бывали там. И мы там пили мёд…

1933

Выпуск № 1177

Лариса Патракова

В гостинице, где только десять мест,
Которой завтра пять столетий минет,
Хозяйке нас встречать не надоест:
Резное кресло старое подвинет

К огню, все номера переберёт
И перечислит всех, давно почивших,
Гостиницу присутствием почтивших,
И только про Людовика соврёт…

Достанет связку старую ключей
И поведёт по лестнице дубовой,
И свет живых, оплавленных свечей
Мигнёт нам на прощанье из столовой.

Вот комната с окном до потолка,
Из кипариса сложены панели,
Портреты в тонкой сети паука
И серебром окованные двери.

Уложим вещи в розовый комод
И в зеркалах бездонных взгляд поймаем,
А вот и чёрный двухсотлетний кот
Готическую спину выгибает.

Всё так, как не мечталось никогда:
Тяжелые портьеры пахнут пылью,
В кувшине медном свежая вода –
И тишина – нас здесь на век забыли.

Далёкий колоколец знак подаст,
Когда в столовой стол накроют чинно:
Здесь не приступят к трапезе без нас,
И в этот день отменны будут вина.

Салфетки, вышитые на века,
Камина ровный жар и дух дубовый,
И рядом твоя тихая рука
И тихое обеденное слово.

А на стене распятый светлый Лик
И бой часов – все вечности приметы…
И длится день – бессмертен и велик
В гостинице, где постояльцев нету.

Осип Мандельштам

Веницейская жизнь

Веницейской жизни, мрачной и бесплодной,
Для меня значение светло.
Вот она глядит с улыбкою холодной
В голубое дряхлое стекло.

Тонкий воздух кожи, синие прожилки,
Белый снег, зелёная парча.
Всех кладут на кипарисные носилки,
Сонных, тёплых вынимают из плаща.

И горят, горят в корзинах свечи,
Словно голубь залетел в ковчег.
На театре и на праздном вече
Умирает человек.

Ибо нет спасенья от любви и страха,
Тяжелее платины Сатурново кольцо,
Чёрным бархатом завешенная плаха
И прекрасное лицо.

Тяжелы твои, Венеция, уборы,
В кипарисных рамах зеркала.
Воздух твой гранёный. В спальне тают горы
Голубого дряхлого стекла.

Только в пальцах – роза или склянка,
Адриатика зелёная, прости!
Что же ты молчишь, скажи, венецианка,
Как от этой смерти праздничной уйти?

Чёрный Веспер в зеркале мерцает,
Всё проходит, истина темна.
Человек родится, жемчуг умирает,
И Сусанна старцев ждать должна.

1920

Выпуск № 209

Фёдор Тютчев

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой –
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

Не видите ль? Собравшися в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Ещё она не перешла порогу,
Но дом её уж пуст и гол стоит, –

Ещё она не перешла порогу,
Ещё за ней не затворилась дверь…
Но час настал, пробил… Молитесь Богу,
В последний раз вы молитесь теперь.

1834

Николай Гумилёв

Евангелическая церковь

Тот дом был красная, слепая,
Остроконечная стена,
И только наверху, сверкая,
Два узких виделись окна.

Я дверь толкнул. Мне ясно было,
Здесь не откажут пришлецу,
Так может мёртвый лечь в могилу,
Так может сын войти к отцу.

Дрожал вверху под самым сводом
Неясный остов корабля,
Который плыл по бурным водам
С надёжным кормчим у руля.

А снизу шум взносился многий,
То пела за скамьёй скамья,
И был пред ними некто строгий,
Читавший Книгу Бытия.

И в тот же самый миг безмерность
Мне в грудь плеснула, как волна,
И понял я, что достоверность
Теперь навек обретена.

Когда я вышел, увидали
Мои глаза, что мир стал нем,
Предметы мира убегали,
Их будто не было совсем.

И только на заре слепящей,
Где небом кончилась земля,
Призывно реял уходящий
Флаг неземного корабля.

1919

Выпуск № 1409

Константин Бальмонт

Похвала уму

Безумие и разум равноценны,
Как равноценны в Мире свет и тьма.
В них два пути, пока мы в Мире пленны,
Пока замкнуты наши терема.

И потому мне кажется желанной
Различность и причудливость умов.
Ум английский, и светлый, и туманный,
Как Море вкруг несчётных островов.

Бесстыдный ум француза, ум немецкий,
Строительный, тяжелый и тупой,
Ум русский, исступлённо-молодецкий,
Ум скандинавский, вещий и слепой.

Испанский ум, как будто весь багряный,
Горячий, как роскошный цвет гвоздик,
Ум итальянский, сладкий, как обманы,
Утонченный, как у Мадонны лик.

Как меч, как властный голос, ум латинский,
Ум эллинский, язык полубогов.
Индийский ум, кошмарно-исполинский,
Свод радуги, богатство всех тонов.

Я вижу, волны мира многопенны,
Я здесь стою на звонком берегу,
И кто б ты ни был, Дух, пред кем мы пленны,
Привет мой всем, и брату, и врагу.

Максимилиан Волошин

Четверть века
(1900 – 1925)

Каждый рождается дважды. Не я ли
В духе родился на стыке веков?
В год изначальный двадцатого века
Начал головокружительный бег.
Мудрой судьбою закинутый в сердце
Азии, я ли не испытал
В двадцать три года всю гордость изгнанья
В рыжих песках туркестанских пустынь?
В жизни на этой магической грани
Каждый впервые себя сознаёт
Завоевателем древних империй
И заклинателем будущих царств.
Я проходил по тропам Тамерлана,
Отягощённый добычей веков,
В жизнь унося миллионы сокровищ
В памяти, в сердце, в ушах и в глазах.
Солнце гудело, как шмель, упоённый
Зноем, цветами и запахом трав,
Век разметал в триумфальных закатах
Рдяные перья и веера.
Ширились оплеча жадные крылья,
И от пространств пламенели ступни,
Были подтянуты чресла и вздуты
Ветром апостольские паруса.
Дух мой отчаливал в желтых закатах
На засмолённой рыбацкой ладье –
С Павлом – от пристаней Антиохии,
Из Монсеррата – с Лойолою в Рим.
Алые птицы летели на запад,
Шли караваны, клубились пески,
Звали на завоевание мира
Синие дали и свёртки путей.
Взглядом я мерил с престолов Памира
Поприща западной тесной земли,
Где в утаённых портах Средиземья,
На берегах атлантических рек
Нагромоздили арийские расы
Улья осиных разбойничьих гнёзд.
Как я любил этот кактус Европы

На окоёме Азийских пустынь –
Эту кипящую магму народов
Под неустойчивой скорлупой,
Это огромное содроганье
Жизни, заклёпанной в недрах машин,
Эти высокие камни соборов,
Этот горячечный бред мостовых,
Варварский мир современной культуры,
Сосредоточившей жадность и ум,
Волю и веру в безвыходном беге
И в напряженности скоростей.
Я со ступеней тысячелетий,
С этих высот незапамятных царств,
Видел воочью всю юность Европы,
Всю непочатую ярь её сил.
Здесь, у истоков Арийского мира,
Я, преклонившись, ощупал рукой
Наши утробные корни и связи,
Вросшие в самые недра земли.
Я ощутил на ладони биенье
И напряженье артерий и вен –
Неперекушенную пуповину
Древней Праматери рас и богов.
Я возвращался, чтоб взять и усвоить,
Всё перечувствовать, всё пережить,
Чтобы связать половодное устье
С чистым истоком Азийских высот.
С чем мне сравнить ликованье полёта
Из Самарканда на запад – в Париж?
Взгляд Галилея на кольца Сатурна…
Знамя Писарро над сонмами вод…
Было… всё было… так полно, так много,
Больше, чем сердце может вместить:
И золотые ковчеги религий,
И сумасшедшие тромбы идей…
Хмель городов, динамит библиотек,
Книг и музеев отстоенный яд.
Радость ракеты рассыпаться в искры,
Воля бетона застыть, как базальт.
Всё упоение ритма и слова,
Весь Апокалипсис туч и зарниц,
Пламя горячки и трепет озноба
От надвигающихся катастроф.
Я был свидетелем сдвигов сознанья,
Геологических оползней душ

И лихорадочной перестройки
Космоса в «двадцать вторых степенях».
И над широкой излучиной Рейна
Сполохов первых пожарищ войны
На ступенях Иоаннова Зданья
И на сферических куполах
Тот, кто не пережил годы затишья
Перед началом великой войны,
Тот никогда не узнает свободы
Мудрых скитаний по древней земле.
В годы, когда расточала Европа
Золото внуков и кровь сыновей
На роковых перепутьях Шампани,
В польских болотах и в прусских песках,
Верный латинскому духу и строю,
Сводам Сорбонны и умным садам,
Я ни германского дуба не предал,
Кельтской омеле не изменил.
Я прозревал не разрыв, а слиянье
В этой звериной грызне государств,
Смутную волю к последнему сплаву
Отъединённых историей рас.
Но посреди ратоборства народов
Властно окликнут с Востока, я был
Брошен в плавильные горны России
И в сумасшествие Мартобря.
Здесь, в тесноте, на дне преисподней,
Я пережил испытанье огнём:
Страшный черёд всероссийских ордалий,
Новым тавром заклеймивших наш дух.
Видел позорное самоубийство
Трона, династии, срам алтарей,
Славу «Какангелия» от Маркса,
Новой враждой разделившего мир.
В шквалах убийств, в исступленьи усобиц
Я охранял всеединство любви,
Я заклинал твои судьбы, Россия,
С углем на сердце, с кляпом во рту.
Даже в подвалах двадцатого года,
Даже средь смрада голодных жилищ
Я бы не отдал всей жизни за веру
Этих пронзительно зорких минут.
Но… я утратил тебя, моя юность,
На перепутьях и росстанях Понта,
В зимних норд-остах, в тоске Сивашей…

Из напряженного стержня столетья
Ныне я кинут во внешнюю хлябь,
Где только ветер, пустыня и море
И под ногой содроганье земли…
Свист урагана и топот галопа
Эхом ещё отдаётся в ушах,
Стремя у стремени четверть пробега,
Век – мой ровесник, мы вместе прошли.

1927